

КОЛЛЕКЦИОННАЯ КНИГА

Издательство АСТ
Москва

ОСКАР УАЙЛЬД

ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ

УДК821.111.31
ББК 84(4Вел)-44
У13

Дизайн обложки *Дмитрия Агапонова*
Перевод с английского *Д. Целовальниковой*
Иллюстрации *Фернана Симеона*

Уайльд, Оскар.

У13 Портрет Дориана Грея / О. Уайльд — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 256 с. ; ил. — (Коллекционная книга).

ISBN 978-5-17-147641-0

«Портрет Дориана Грея» — декадентский роман одного из величайших писателей Ирландии, Оскара Уайльда, о тайне, жизни и смерти. Первая его публикация привела к скандалу в английском обществе, а самого создателя стали осуждать за безнравственное произведение. Но Уайльда это ничуть не смутило, и по прошествии времени он написал вступление к своему произведению, которое в дальнейшем стало манифестом эстетизма.

Молодой красавец Дориан Грей, очарованный своим портретом, заключает фаустовскую сделку, обменивая душу на вечную красоту и молодость. В погоне за праздником жизни он втягивается в порочный круг, постоянно потакая своим желаниям и не чувствуя изменений в себе. Только на портрете отражались следы его падения.

«Портрет Дориана Грея» — история о тайной жизни не только поздневикторианского, но и современного общества, анализ темной стороны личности. Полотно, на котором запечатлен образ главного героя, представляет собой тревожный портрет человека, встречающегося лицом к лицу со своей душой. Но вот готов ли он увидеть свое истинное Я?

Издание органично дополняют иллюстрации 1920 года Фернана Симеона.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-147641-0

© Школа перевода В. Баканова, 2022
© Издательство АСТ, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово	7	Глава 10	135
		Глава 11	145
Глава 1	9	Глава 12	165
Глава 2	23	Глава 13	175
Глава 3	39	Глава 14	183
Глава 4	53	Глава 15	197
Глава 5	69	Глава 16	209
Глава 6	83	Глава 17	219
Глава 7	93	Глава 18	227
Глава 8	107	Глава 19	237
Глава 9	123	Глава 20	249

LE PORTRAIT DE
DORIAN GRAY
PAR OSCAR WILDE

Художник — автор прекрасного. Цель искусства — раскрыть прекрасное, скрыв личность художника. Критик — это тот, кто способен передать свое впечатление от прекрасного в новой форме или новыми средствами.

Как высшая, так и низшая формы критики — лишь вид автобиографии. Безобразное в прекрасном видят люди испорченные и лишённые обаяния. В этом их ущербность.

Красоту в прекрасном видят люди развитые и утонченные. Для них есть надежда, они — те избранные, для которых прекрасное означает красоту в чистом виде.

Не бывает книг моральных или аморальных.

Книга написана либо хорошо, либо плохо. Вот и все. Нелюбовь девятнадцатого века к реализму — это ярость Калибана, увидевшего в зеркале свое отражение.

Нелюбовь девятнадцатого века к романтизму — это ярость Калибана, не увидевшего в зеркале своего отражения.

Предметом изображения художника может быть нравственная жизнь человека, однако нравствен-

ность искусства заключается в наилучшем использовании не самых лучших материалов. Ни один художник не стремится ничего доказать. Ведь доказать можно даже то, что истинно.

У художника не может быть этических пристрастий. Этическое пристрастие художника является непростительной манерностью стиля. Художник не может быть неестественным или неправильным, потому что вправе выбрать любую тему. Инструменты художника — мысль и слово.

Порок и добродетель для художника лишь материал. С точки зрения формы прообразом всех видов искусства является музыка. С точки зрения чувств — театр.

Всякое искусство есть и образ, и символ. Те, кто вглядывается в глубь образа, идут на риск. Те, кто раскрывает значение символа, идут на риск.

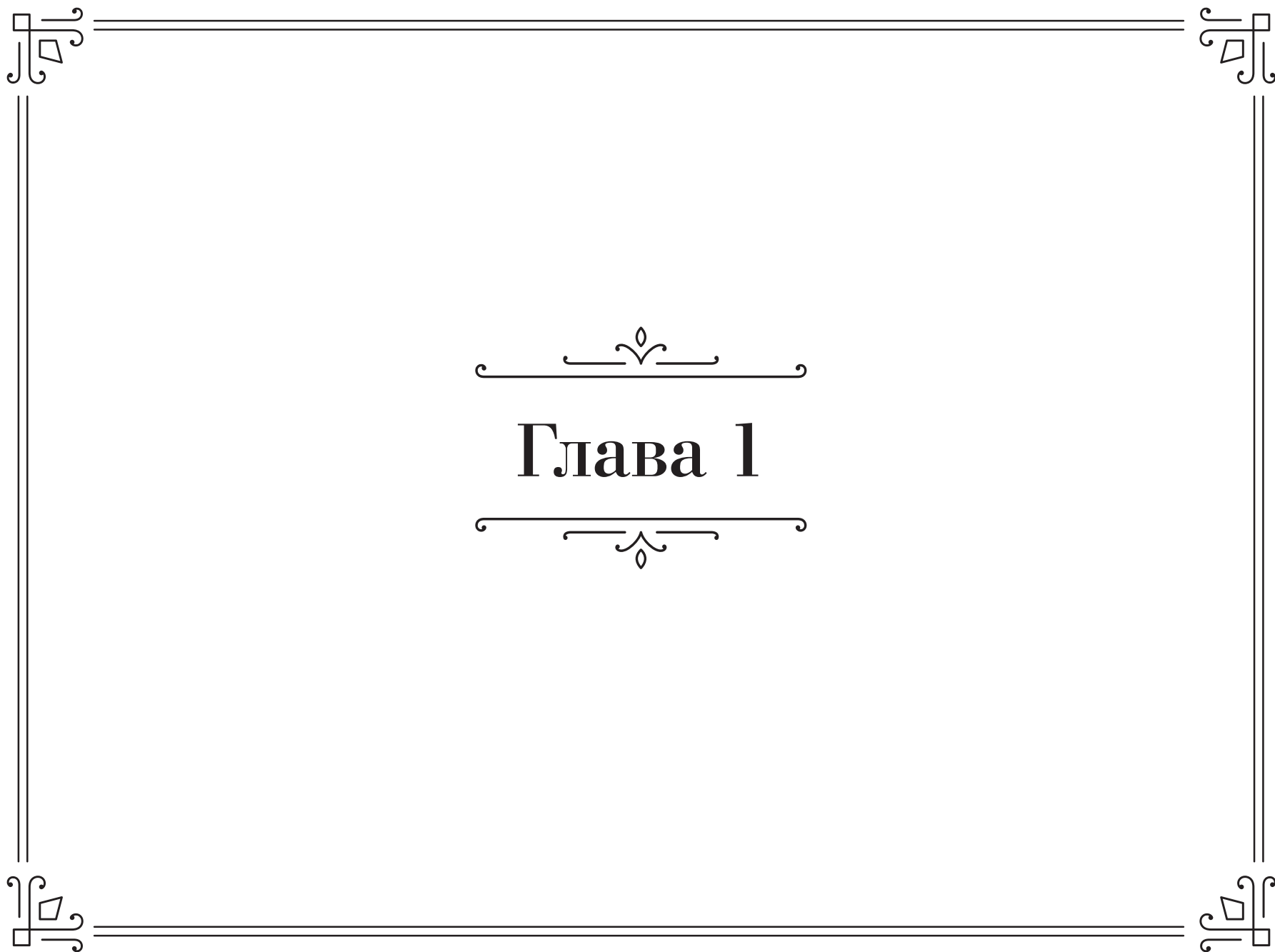
Искусство отображает не реальную жизнь и даже не автора, а зрителя. Разнообразие мнений о произведении искусства показывает, что оно ново, сложно и актуально.

Если критики расходятся во мнениях, значит, художник остался верен самому себе. Можно простить человеку создание вещи полезной, если только он ею не восторгается. Единственный повод для создания вещи бесполезной — страстная любовь автора к своему созданию.

Всякое искусство совершенно бесполезно.

Оскар Уайльд

Глава I

Студию художника наполняло благоухание роз. Поднявшийся среди деревьев в саду летний ветерок вносил в распахнутые двери тяжелый запах сирени и более тонкий аромат розового боярышника.

Лорд Генри Уоттон, по обыкновению куря бесчисленные папиросы, возлежал на устеленной персидскими чепраками тахте и любовался кустом золотого дождя, чьи подрагивающие на ветру ветви сгибались под весом золотистых соцветий, источавших медвяный аромат и ярко пылавших на солнце; проносившиеся мимо птицы отбрасывали причудливые тени на длинные чесучовые шторы, закрывавшие огромное окно, и создавали кратковременный эффект японской живописи, напоминая лорду Генри о токийских художниках с бледными желтовато-зелеными лицами, которые стремятся придать своим творениям иллюзию динамики, несмотря на непремennую статичность живописи. Низкое гудение пчел, деловито сновавших в некошеной траве или с неизменным упорством вившихся вокруг усыпанных золотой пылью цветов раскидистой жимолости, делало тишину еще более гнетущей. Приглушенный гул Лондона вторгался в нее как басовая нота звучащего в отдалении органа.

В центре комнаты на вертикальном мольберте стоял портрет в полный рост юноши исключительной красоты. Перед ним, немного в отдалении, сидел и сам художник, Бэзил Холлуорд, чье внезапное исчезновение несколько лет назад вызвало небывалый ажиотаж публики и дало повод самым причудливым домыслам.

Художник разглядывал изящную форму, столь искусно воплощенную им в своем творении, и с лица его не сходила довольная улыбка. Внезапно он вскочил и закрыл глаза руками, будто пытаясь удержать удивительный сон и боясь проснуться.

— Бэзил, на сегодняшний день это твоя лучшая картина, — томно проговорил лорд Генри. — В следующем году тебе непременно стоит отправить ее в галерею Гросвенор. Академия искусств чересчур велика и заурядна. Когда я ни приду, там либо слишком много людей, и я не могу посмотреть на картины, либо слишком много картин, и я не могу посмотреть на людей, что не в пример хуже. В самом деле, Гросвенор — единственное стоящее место.

— Вряд ли я вообще стану ее выставлять, — ответил художник, потрянув головой в нелепой манере, из-за которой над ним смеялись в Оксфорде. — Нет, никуда ее не пошлю.

Лорд Генри поднял брови и удивленно посмотрел на друга сквозь причудливые тонкие кольца голубого дыма, струившиеся от крепкой, пропитанной опиумом папиросы.

— Никуда не пошлешь? Почему, дорогой мой? Неужели у тебя есть достойная причина? До чего вы, художники, странные! Сперва всеми силами стремитесь к известности, а стоит вам ее добиться, как она уже ни к чему. Довольно глупо, учитывая, что хуже разговоров о тебе лишь их отсутствие. Такой портрет вознесет тебя над всеми молодыми художниками Англии, а старых заставит завидовать, если только они еще способны хоть к каким-то переживаниям.

— Знаю, ты будешь надо мной смеяться, — ответил Бэзил, — но я и правда не могу ее выставлять. Я вложил в эту картину слишком много себя самого.

Лорд Генри потянулся на тахте и захохотал.

— Я так и знал, что ты будешь смеяться. Тем не менее это правда.

— Вложил слишком много себя!.. Ей-богу, Бэзил, я понятия не имел, что ты настолько самонадеян! Я не вижу ни малейшего сходства между тобой, мой черноволосый, суровый и мужественный друг, и этим юным Адонисом, который словно создан из слоновой кости и лепестков розы. Мой дорогой Бэзил, он — Нарцисс, а ты... Что и говорить, в твоих глазах светится ум. Однако красота, истинная красота, заканчивается там, где появляется ум. Уму как таковому свойственно преувеличение, и он способен разрушить гармонию любого лица. Стоит сесть и задуматься, как человек обращается в один сплошной нос или лоб или еще что-нибудь малопривлекательное. Взгляни на людей, преуспевших в своей профессии. До чего они изумительно уродливы! Разумеется, кроме служителей церкви. Впрочем, церковники вовсе не думают. Епископ и в восемьдесят твердит все то, что ему велели твердить в восемнадцать, и в результате он всегда совершенно неотразим. Твой таинственный юный друг, чье имя ты так и не назвал и чей портрет меня

так восхищает, не думает никогда. В этом я совершенно уверен! Он — прекрасное пустоголовое создание, которое заменит нам зимой цветы, а летом остудит наш пылающий ум. Бэзил, не льсти себе: ты не похож на него ни в коей мере!

— Гарри, ты меня не понял, — ответил художник. — Конечно же я на него не похож! Это я прекрасно понимаю. Да я и не хотел бы так выглядеть. Пожимаешь плечами? Я говорю правду. Физическую и интеллектуальную исключительность преследует некий злой рок, вроде того, который на протяжении всей истории направляет неверные шаги королей. Лучше не выделяться. В этом мире легко живется глупцам и уродам. Расселись себе и наблюдают за представлением. Победа им неведома, но и поражение им тоже незнакомо. Они живут так, как следовало бы жить всем нам, — безмятежно и без лишней маеты. Они никому не причиняют зла, и им никто не вредит. Твое положение в обществе и богатство, Гарри, мой ум и талант, какими бы они ни были ничтожными, красота Дориана Грея — всем нам придется расплачиваться за дары богов, и страдания будут ужасны!

— Дориан Грей? Вот, значит, как зовут юношу? — спросил лорд Генри, подходя к Бэзилу Холлуорду.

— Да. Я не хотел называть его имени.

— Почему же?

— Объяснить довольно сложно. Я не называю имени того, кто мне нравится. Иначе выходит, будто я отдаю частицу его души. Я полюбил скрытность. Пожалуй, сделать современную жизнь загадочной и чудесной способна лишь скрытность. Даже самая заурядная вещь становится восхитительной, стоит начать ее скрывать. Теперь, уезжая из города, я никому не сообщаю, куда отправляюсь. В противном случае теряется все удовольствие. Пожалуй, привычка глупая, однако вносит в жизнь изрядную долю романтики. Думаю, ты считаешь меня чертовски сумасбродным?

— Отнюдь, — ответил лорд Генри, — отнюдь, дорогой мой Бэзил. Ты забываешь, что я женат, а главная прелесть брака заключается в том, что он делает ложь совершенно необходимой для обеих сторон. Я не знаю, где находится жена, жена не знает, чем занят я. При встрече — иногда мы встречаемся, будь то за ужином в ресторане или в гостях у герцога — мы рассказываем друг другу с самыми серьезными лицами наинесуразнейшие истории. У жены это получается прекрасно — собственно, намного лучше, чем у меня. Она никогда не путается, в отличие от меня. Зато, если ей удастся меня уличить, то сцен она не устраивает. Порой мне даже хочется скандала, но она лишь смеется надо мной.

— Терпеть не могу, когда ты так отзываешься о своей семейной жизни, Гарри! — воскликнул Бэзил Холлуорд, направляясь к двери в сад. — Полагаю, ты прекрасный муж, однако изрядно стыдишься своей добродетельности. Чудак ты человек! Нравственных речей от тебя не услышишь, при этом безнравственных поступков от тебя тоже не дождешься. Твой цинизм — всего лишь поза!

— Безыскусственность — также поза, причем самая досадная, какую я знаю, — со смехом сказал лорд Генри.

Молодые люди вышли в сад и уютно устроились на длинной бамбуковой скамье под сенью высокого лаврового куста. Сквозь глянцевые листья проскальзывали солнечные лучи. В траве проглядывали цветущие маргаритки.

Помолчав, лорд Генри достал из кармана часы.

— Боюсь, мне пора, Бэзил, — проговорил он, — а пока я не ушел, непременно хочу услышать ответ на вопрос, который я задал.

— Какой такой вопрос? — спросил художник, не поднимая взгляда.

— Ты отлично знаешь какой.

— Не знаю, Гарри.

— Тогда спрошу еще раз. Объясни, почему ты не собираешься выставлять портрет Дориана Грея. Я хочу знать истинную причину.

— Я тебе уже объяснил.

— Вообще нет. Ты сказал, что вложил в портрет слишком много себя. Бэзил, это несерьезно!

— Гарри, — проговорил Бэзил Холлуорд, глядя ему в глаза, — любой портрет, написанный с чувством, это портрет художника, а не натурщика. Натурщик — случайность чистой воды, просто повод. Художник раскрывает не его. Красками на холсте художник раскрывает самого себя. Причина, по которой я не буду выставлять эту картину, в том, что я опасаясь: не раскрыл ли я в ней тайну своей собственной души.

Лорд Генри расхохотался.

— И что у тебя за тайна?

— Сейчас расскажу, — ответил Бэзил, явно смутившись.

— Бэзил, я весь внимание! — подбодрил лорд Генри.

— Ах, Гарри, тут и рассказывать особо нечего, — ответил художник, — боюсь, ты меня не поймешь. Пожалуй, ты едва ли согласишься.

Лорд Генри улыбнулся, сорвал маргаритку и принялся ее разглядывать.

— Уверен, что пойму, — ответил он, всматриваясь в золотистую сердцевинку с белой оторочкой. — Что касается веры, то поверить я готов во все что угодно, при условии полной неправдоподобности.

Ветер стряхнул с деревьев несколько цветков, в наполненном упоительными ароматами воздухе закачались тяжелые кисти сирени, усыпанные звездочками соцветий. Возле стены застрекотал кузнечик, мимо проплыла синяя, тонкая как ниточка стрекоза с прозрачными бронзовыми крылышками. Лорду Генри казалось, будто он слышит биение сердца Бэзила Холлуорда, и он гадал, что же ему предстоит узнать.

— Все проще некуда, — немного помолчав, начал Бэзил. — Пару месяцев назад я попал на светский раут у леди Брендон. Нам, бедным художникам, время от времени приходится появляться в обществе и напоминать публике, что мы не такие уж дикари. В вечернем костюме и при белом галстуке, как ты сказал мне однажды, любой, даже биржевой брокер, способен приобрести репутацию человека цивилизованного. Пробыв в зале минут десять, переговорив с разодетыми в пух и прах пожилыми аристократками и нудными профессорами, я вдруг почувствовал чей-то взгляд. Я обернулся и впервые увидел Дориана Грея. Наши взгляды встретились, и я побледнел. Меня охватил необъяснимый трепет. Я понял, что столкнулся с личностью настолько неотразимой, что если я поддамся, то она поглотит без остатка всю мою сущность, мою душу и мой талант. Ты прекрасно знаешь, Гарри, что по своей природе я весьма независим. Я всегда

был сам себе господин, по крайней мере, до встречи с Дорианом Греем. И тогда... даже не знаю, как тебе объяснить. Внутренний голос мне подсказывал, что я на грани кризиса всей своей жизни. У меня появилось странное чувство, будто судьба готовит мне беспредельные радости и беспредельные муки. Я испугался и бросился к выходу из зала. И подтолкнула меня не сознательность, а трусость. Понимаю, эта попытка бегства вовсе не делает мне чести.

— Сознательность и трусость суть одно и то же, Бэзил. Это лишь название торговой марки. Вот и все!

— Я в это не верю, Гарри, и тебе не верю тоже. Каким бы ни был мой мотив — будь то гордость — ведь прежде я был тем еще гордецом, — я изо всех сил ринулся к дверям. И там, разумеется, наткнулся на леди Брендон. «Неужели вы нас покидаете так скоро, господин Холлуорд?» — вскричала она. Голос у нее необычайно пронзительный, не находишь?

— Да, во всем, кроме красоты, она настоящий павлин, — заметил лорд Генри, ощипывая маргаритку длинными нервными пальцами.

— Я не смог от нее избавиться. Она подводила меня к членам королевской семьи, к чиновникам со звездами и орденами и к пожилым леди в гигантских тиарах и с носами с горбинкой. Отзывалась обо мне как о своем большом друге. Мы виделись с ней всего

второй раз, но она вбила себе в голову, что должна сделать из меня героя вечера. В свое время одна моя картина имела большой успех, по крайней мере, о ней писали в грошовых газетенках, что в нашем девятнадцатом веке означает неувядаемую славу. Внезапно я очутился лицом к лицу с юношей, чья личность так меня поразила. Мы стояли близко-близко. Наши взгляды встретились вновь. С моей стороны это было опрометчиво, и все же я попросил леди Брендон представить меня ему. Пожалуй, в конечном итоге это было не то чтобы опрометчиво — это было неизбежно. Мы заговорили бы даже не будучи представленными. Я в этом убежден. Позже Дориан мне сказал то же самое. Он также почувствовал, что нам суждено узнать друг друга.

— И как же леди Брендон описала этого удивительного юношу? — спросил его собеседник. — Я знаю, ей нравится давать всем своим гостям краткую характеристику. Помню, подвела она меня как-то раз к воинственному краснолицему господину в летах, покрытому орденами и лентами с головы до ног, и зашипела мне на ухо трагическим шепотом, наверняка слышным всем и каждому в зале, самые ошеломительные подробности. И я сбежал! Люблю разгадывать человека сам. Леди Брендон обращается с гостями словно аукционер с товаром. Либо мигом

выкладывает самое сокровенное, либо рассказывает все, кроме того, что тебе действительно интересно.

— Бедная леди Брендон! Гарри, ты к ней слишком строг, — с прохладцей проговорил Холлуорд.

— Дорогой мой, она пыталась устроить у себя светский салон, а вышла заурядная ресторация! И ты хочешь, чтобы я ею восхищался? Лучше расскажи, что она сообщила тебе о Дориане Грее.

— Нечто вроде «Очаровательный мальчик, мы с его матерью были совершенно неразлучны. Совсем забыла, чем он занимается... боюсь, что он... вообще ничем не занят. Ах, да! Играет на рояле — или на скрипке, милый мистер Грей?» Мы оба не смогли сдержать смех и тут же стали друзьями.

— Смех — совсем неплохое начало дружбы и лучшее ее окончание, — заметил юный лорд, срывая еще одну маргаритку.

Холлуорд покачал головой:

— Гарри, ты понятия не имеешь ни о дружбе, ни о вражде, если уж на то пошло. Ты любишь всех. Иными словами, все тебе одинаково безразлично.

— Ты ко мне крайне несправедлив! — вскричал лорд Генри, сдвигая шляпу на затылок и оглядывая похожие на растрепанные мотки блестящих шелковых нитей легкие белые облачка, неспешно плывущие в бирюзовой глубине летнего неба. — Да, крайне

несправедлив. К разным людям я отношусь совершенно по-разному. В друзьях я ценю внешность, в знакомых — характер, а во врагах — ум. Выбирать себе врагов следует особенно придирчиво. Ни один из моих врагов не дурак. Все обладают изрядной долей интеллекта и вследствие этого ценят меня по достоинству. Думаешь, мной руководит тщеславие? Пожалуй, да.

— Похоже на то, Гарри. Однако по твоей классификации я прохожу всего лишь как знакомый.

— Мой старый добрый Бэзил, для меня ты гораздо больше, чем просто знакомый!

— И гораздо меньше, чем друг. Для тебя я вроде брата, верно?

— Ох уж эти братья! Мой старший брат никак не умрет, а младшие только и делают, что умирают*.

— Гарри! — неодобрительно воскликнул Холлуорд.

— Дорогой мой, я говорю не на полном серьезе. Впрочем, я не могу не питать отвращения к своим родственникам. Полагаю, причина кроется в том, что видеть свои недостатки в других — невыносимо. Я изрядно сочувствую английским демократам, которые бурно возмущаются так называемыми «пороками высших классов». Наши массы считают, что пьянство,

скудоумие и распущенность принадлежат им по праву, а если идиотом выставляет себя представитель высшего света, то он вторгается в их вотчину. Когда бедняга Саутворк начал бракоразводный процесс, их возмущение не знало границ. При этом едва ли десять процентов пролетариата ведет добродетельный образ жизни!

— Я не согласен ни с единым твоим словом, Гарри, более того, ты и сам вряд ли согласен!

Лорд Генри погладил свою заостренную бородку и постучал тростью черного дерева по носу лакового ботинка.

— Бэзил, ты типичный англичанин! Подобное замечание ты делаешь уже второй раз. Выскажи какую-нибудь идею типичному англичанину — что всегда опрометчиво, — так он и не задумается о том, плоха она или хороша. Единственное, что он сочтет важным, — веришь ты в нее или нет. В то время как ценность идеи не имеет никакого отношения к искренности того, кто ее высказывает. На самом деле весьма вероятно, что чем меньше искренности проявляет человек, тем ценнее высказываемая им идея, ведь в этом случае на нее не влияют ни его стремления, ни желания, ни предрассудки. Впрочем, я не намерен обсуждать с тобой политику, социологию

* Имеется в виду порядок наследования в Англии, согласно которому наследство переходит старшему сыну.

или метафизику. Люди мне нравятся больше, нежели принципы, а людей без принципов я люблю больше всего на свете. Лучше расскажи мне о Дориане Грее. Вы часто видитесь?

— Каждый день. Без наших встреч я не был бы счастлив. Он мне совершенно необходим!

— Невероятно! Ни за что бы не подумал, что тебе есть дело до чего-нибудь, кроме твоего искусства.

— Теперь он — мое искусство, — мрачно произнес художник. — Гарри, иногда мне думается, что в истории мира есть лишь два значимых этапа. Первый — появление новых средств выражения, второй — появление нового субъекта изображения. Когда-нибудь лицо Дориана Грея станет для меня тем же, чем стала для венецианцев масляная живопись или для греческих скульпторов — лик Антиноя. Разумеется, я пишу его, делаю рисунки и наброски. И в то же время он для меня куда больше, чем просто натурщик. Я не скажу, что недоволен тем, как мне удалось его изобразить или что его красота искусству неподвластна. Искусству подвластно все, и я знаю: с тех пор как я встретил Дориана Грея, я пишу хорошо, более того, я написал свои лучшие картины! Как ни странно — поймешь ли? — его индивидуальность открыла мне совершенно новую манеру письма, совершенно новый стиль. Я смотрю на мир иначе, я воспринимаю

его иначе. Теперь я могу воссоздать жизнь определенным образом, неведомым мне прежде. «Мечта о форме в дни размышлений» — кто это сказал? Не помню. Именно такой формой и стал для меня Дориан Грей. Одно лишь присутствие этого юноши — для меня он юноша, хотя ему уже за двадцать — его зримое присутствие... Эх, разве способен ты понять, что оно значит для меня? Сам того не сознавая, он намечает мне линии новейшего направления в живописи, которое включает в себя всю страстность романтизма вместе с совершенством эллинизма. Гармония души и тела — как это прекрасно! Со свойственным нам безрассудством мы разделили их и получили вульгарный реализм, лишенный идеала. Гарри, если бы ты знал, что значит для меня Дориан Грей! Помнишь пейзаж, за который Агню предложил баснословную сумму, но я не захотел его продавать? Это одна из моих лучших работ. А знаешь почему? Когда я писал, рядом сидел Дориан Грей! От него мне передалось некое неуловимое воздействие, и впервые в жизни я увидел в обычном лесу нечто удивительное, что я всегда искал и никогда не находил!

— Бэзил, это невероятно! Я должен познакомиться с Дорианом Греем.

Холлуорд поднялся со скамьи и отправился бродить по саду. Вскоре он вернулся.

— Гарри, для меня Дориан Грей всего лишь мотив в живописи. Возможно, ты в нем не увидишь ничего. Я вижу в нем все. Его присутствие на моих картинах особенно ощутимо, когда я рисую не его. Как я уже сказал, Дориан — некий намек на новую манеру письма. Я вижу его в изгибах линий, в прелести и утонченности оттенков. Вот и все!

— Тогда почему бы тебе не выставить его портрет? — спросил лорд Генри.

— Сам того не желая, я выразил в нем причудливое идолопоклонство художника, о котором, разумеется, никогда с ним не заговаривал. Он не должен узнать! Однако свет может догадаться, а я не хочу обнажать душу перед назойливыми взглядами. Мое сердце никогда не ляжет под их микроскоп! В портрете слишком много меня, Гарри, слишком много меня самого!

— В отличие от тебя поэты не настолько щепетильны. Они знают, как выгодно писать о любви. В наши дни разбитое сердце обращается сразу к нескольким издательствам.

— Ненавижу их за это! — вскричал Холлуорд. — Человек искусства должен создавать красивые вещи, но ему нельзя вкладывать в них ничего личного. Век, в котором мы живем, относится к искусству как к разновидности автобиографии. Мы утратили отвлечен-

ность красоты. Когда-нибудь я покажу свету, что такое красота! Именно по этой причине свет никогда и не увидит портрет Дориана Грея.

— Думаю, ты неправ, Бэзил, однако спорить не стану. Спорят лишь убогие умом. Скажи мне вот что: Дориан Грей тебя очень любит?

Художник задумался.

— Я ему нравлюсь, — ответил он, помолчав, — знаю, что нравлюсь. Само собой, я превозношу его до небес. Я нахожу необъяснимое удовольствие в похвалах, о которых сам потом буду жалеть. Как правило, со мной он само обаяние, мы сидим в студии и говорим о тысяче разных вещей. Впрочем, время от времени он бывает ужасно беспечен и будто получает удовольствие, причиняя мне боль. В такие моменты я чувствую, что отдал свою душу тому, для кого она не больше чем цветок в петлице — безделушка, что тешит тщеславие в летний день.

— Бэзил, летние дни тянутся долго, — заметил лорд Генри. — Вероятно, тебе ваша дружба прискучит раньше, чем ему. Думать об этом грустно, и все же не подлежит сомнению, что талант живет дольше, чем красота. Именно поэтому мы изо всех сил нагружаем себя избыточными знаниями. В дикой борьбе за существование мы стремимся овладеть чем-нибудь долговечным и как следствие в порыве глупой надеж-

ды забиваем свои головы всяким хламом и разными фактами. Сегодняшний идеал — человек широко образованный. Разум такого человека — нечто ужасное. Он подобен лавке старьевщика — сплошь ширпотреб и пыль, вдобавок стоит все втридорога. Полагаю, тебе наскучит первому. Однажды ты согласишься на своего друга и заметишь искажение перспективы, или тебе не понравится оттенок, или еще что-нибудь. И в глубине души ты его жестоко осудишь, всерьез задумаешься о том, как плохо он с тобой обращался. При следующей встрече ты будешь держаться холодно и отстраненно. К сожалению, ты изменишься. То, о чем ты мне рассказал, называется роман — я бы даже сказал, роман с искусством. Самое худшее в любом романе то, что по его окончании ты утрачиваешь всякую романтику.

— Гарри, не говори так! Личность Дориана Грея будет занимать меня до конца моих дней! Тебе не понять, что я чувствую. Ты слишком часто меняешься.

— Именно поэтому я тебя и понимаю. Преданные сердца знают любовь лишь поверхностно, непостоянным же доступна вся глубина ее трагизма. — Лорд Генри чиркнул спичкой о серебряный портсигар и с удовольствием закурил, смакую папиросу так, словно ему удалось выразить в одной фразе всю сущность мира.

Среди лакированной зелени плюща шуршали и чирикали воробьи, синие тени облаков сновали друг за другом будто ласточки. Как приятно в саду! И как восхитительны людские эмоции — куда приятнее, чем их идеи. Самое замечательное в жизни — душа человека и страсти его друзей. Внутренне улыбаясь, лорд Генри представил томительно-скучный обед, на который не попал благодаря затянувшемуся визиту к Бэзилу Холлуорду. Если бы он пошел к своей тетушке, то непременно встретил бы там лорда Худбоди, и вся беседа вертелась бы вокруг прокорма голодных и необходимости образцовых ночлежек. Любой класс превозносит значимость тех добродетелей, которые лично ему не нужны. Богатые рассуждают о выгоде экономности, бездельники разглагольствуют о величии труда. Как приятно от всего этого ускользнуть!.. При мысли о тетушке лорда Генри посетила одна идея. Он повернулся к Холлуорду и воскликнул:

— Дорогой мой друг, я только что вспомнил!

— Что ты вспомнил, Гарри?

— Где я слышал имя Дориана Грея.

— И где же? — помрачнел Холлуорд.

— Не сердись, Бэзил. Это было в доме моей тетушки, леди Агаты. Она рассказывала, что нашла чудного юношу, который собрался помогать ей в Ист-Энде, и его зовут Дориан Грей. Должен признаться,

она ни разу не упоминала о его приятной внешности. Женщины ее не ценят, по крайней мере, порядочные женщины. Тетя сказала, что юноша он серьезный и прекраснодушный. Я тут же представил веснушчатое длинноволосое создание в очочках, с трудом переставляющее нескладные ноги. Жаль, я не познакомился с твоим другом раньше.

— А вот я этому очень рад, Гарри.

— Почему же?

— Я не хочу, чтобы ты с ним знакомился.

— Ты против нашего знакомства?

— Да!

— Мистер Дориан Грей ждет вас в студии, сэра, — объявил дворецкий, выходя в сад.

— Теперь тебе придется нас познакомить! — со смехом вскричал лорд Генри.

Художник повернулся к слуге, жмурившемуся на ярком свете:

— Паркер, попроси мистера Грея подождать, я приду через несколько минут.

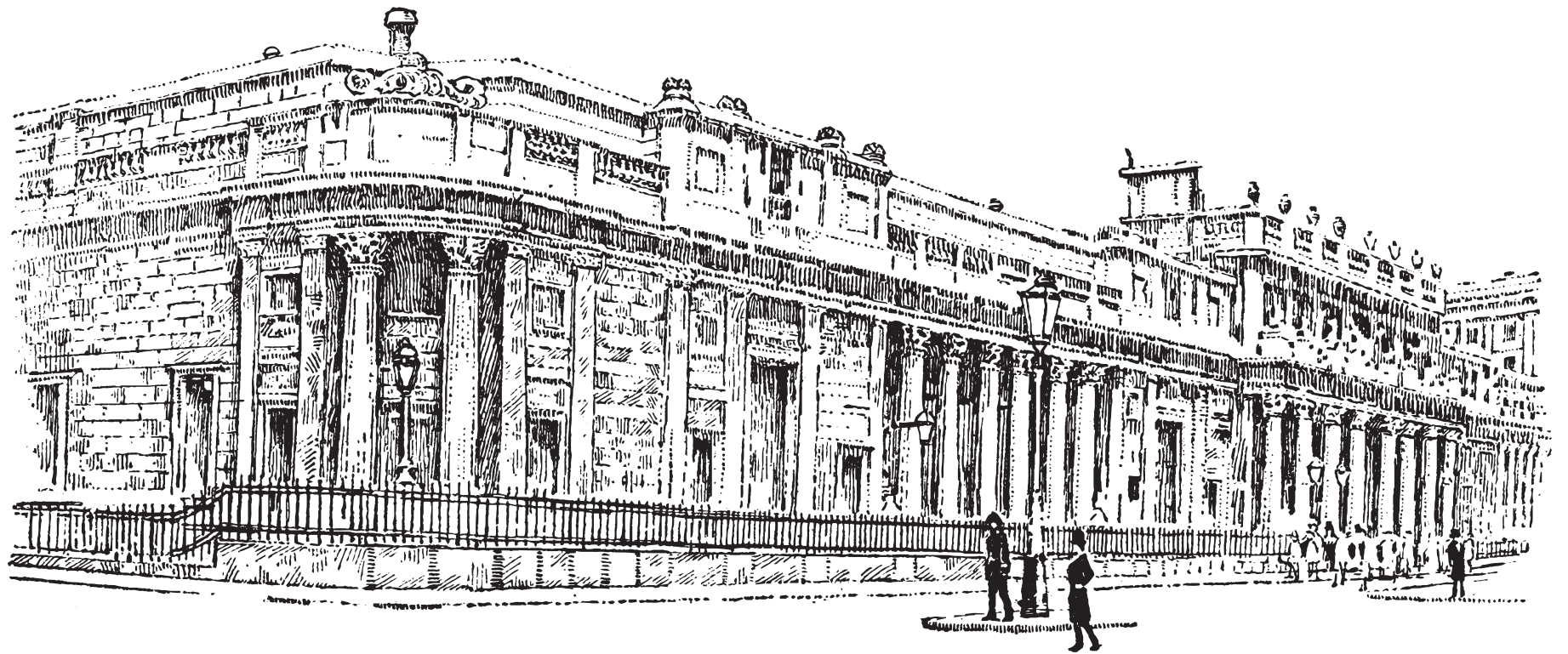
Дворецкий поклонился и ушел по дорожке к дому. Бэзил посмотрел на лорда Генри.

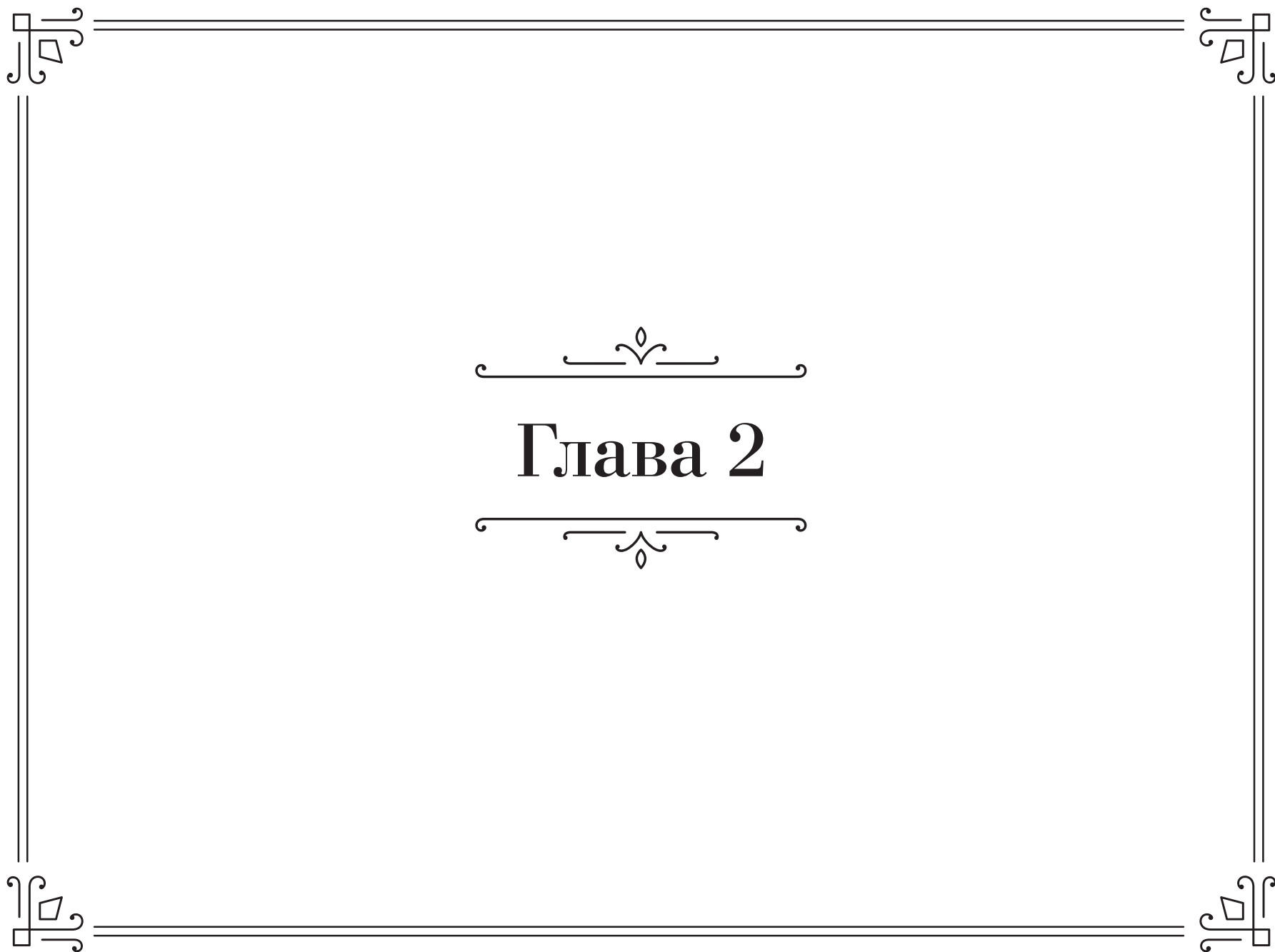
— Дориан Грей — мой самый близкий друг, — сказал художник. — Душа его проста и прекрасна. Твоя тетушка была совершенно права на его счет. Не вздумай его испортить! Не вздумай на него влиять! Твое влияние ничем хорошим не закончится. Мир огромен, в нем много удивительнейших людей. Не забирай от меня единственного человека, который придает моей живописи все ее очарование! От него зависит мое творчество. Помни, Гарри, я тебе доверяю!

Бэзил говорил очень медленно, слова давались ему с трудом.

— Что за ахинею ты несешь! — улыбнулся лорд Генри, взял Холлуорда под руку и буквально потащил к дому.

Глава 2

Лориан Грей сидел за фортепьяно к ним спиной и листал страницы «Лесных сцен» Шумана.

— Ты просто обязан одолжить мне эти ноты, Бэзил! — воскликнул он. — Я хочу их разучить! Они совершенно обворожительны!

— Все зависит от того, как ты будешь сегодня позировать, Дориан.

— О, я устал позировать, и мне вовсе не нужен свой портрет в полный рост! — капризно протянул юноша, крутясь на вращающемся табурете. Заметив лорда Генри, он чуть покраснел и вскочил: — Прошу прощения, Бэзил, я не знал, что ты не один.

— Дориан, это лорд Генри Уоттон, мой старинный оксфордский друг. Только сейчас я говорил ему, какой из тебя отличный натурщик, а ты все испортил.

— Вы вовсе не испортили удовольствие от знакомства с вами, мистер Грей, — произнес лорд Генри, шагнув ему навстречу, и протянул руку. — Моя те-

тушка часто рассказывает про вас. Вы ее любимец и боюсь, также ее жертва.

— На данный момент я в черном списке, — с забавно-сокрушенным видом ответил Дориан. — В прошлый вторник обещал поехать с ней в клуб в Уайт-чепеле и совершенно об этом позабыл. Мы должны были играть в четыре руки — три произведения, по-моему. Даже не знаю, что она скажет. Мне так страшно у нее появляться!

— О, я помирю вас. Тетушка очень к вам привязана. И вряд ли ваше отсутствие заметила публика. Когда тетя Агата садится к фортепьяно, она производит достаточно шума для двоих исполнителей.

— Это ужасно несправедливо по отношению к ней и не очень приятно для меня! — со смехом ответил Дориан.

Лорд Генри внимательно посмотрел на него. Несомненно, юноша был удивительно красив — четко очерченные алые губы, искренние голубые глаза, курчавые золотистые волосы. Было в его чертах нечто вызывающее доверие. В нем сочеталось прямодушие юности и ее пылкая непорочность. Сразу чувствовалось, что он сторонится соблазнов жизни. Неудивительно, что Бэзил Холлуорд души в нем не чаял.

— Для занятий благотворительностью вы слишком очаровательны, мистер Грей, слишком очаро-

вательны. — Лорд Генри улегся на тахту и раскрыл портсигар.

Художник занялся смешиванием красок и подготовкой кистей. Вид у него был встревоженный. Услышав последнее замечание лорда Генри, он бросил на него взгляд, поколебался и сказал:

— Гарри, я хочу закончить картину сегодня. Ты не сочтешь за грубость, если я попрошу тебя уйти?

Лорд Генри улыбнулся и посмотрел на Дориана Грея.

— Мне уйти, мистер Грей? — спросил он.

— Ах, прошу вас, не уходите, лорд Генри! Я вижу, что сегодня Бэзил снова не в настроении, а я терпеть не могу, когда он дуется! Кроме того, я хочу узнать, почему же мне не стоит заниматься благотворительностью.

— Не знаю, что и ответить вам, мистер Грей. Тема настолько громоздкая, что говорить о ней нужно серьезно. Раз уж вы попросили меня остаться, то теперь я никуда не сбегу. Бэзил, ведь ты не очень против? Сам повторял не раз, что тебе нравится, когда твоим натурщикам есть с кем поболтать.

Холлуорд закусил губу.

— Если так хочет Дориан, ты конечно же должен остаться. Прихоти Дориана — закон для всех, кроме него самого.

Лорд Генри взял шляпу и перчатки.

— Бэзил, хотя ты очень настойчив, к сожалению, мне пора. У меня встреча в «Орлеане». Прощайте, мистер Грей. Приходите как-нибудь после полудня ко мне на Керзон-стрит. В пять часов я практически всегда бываю дома. Напишите мне заранее. Будет жаль, если мы разминемся.

— Бэзил, — вскричал Дориан Грей, — если лорд Генри Уоттон уйдет, я тоже уйду! За работой ты рта не раскроешь, а стоять на подиуме и улыбаться — ужасно скучно! Попроси его не уходить!

— Остайся, Гарри, угоди Дориану и сделай одолжение мне, — проговорил Холлуорд, пристально глядя на картину. — За работой я и правда никогда не разговариваю и не слушаю, и моим несчастным натурщикам бывает отчаянно скучно. Умоляю, остайся!

— А как же моя встреча в «Орлеане»?

Художник засмеялся.

— Не думаю, что это препятствие. Присядь, Гарри. Дориан, возвращайся на подиум и не слушай, что говорит Генри. Он весьма дурно влияет на всех своих друзей, за исключением, пожалуй, одного меня.

Дориан ступил на помост с видом юного греческого мученика и соорудил недовольную гримаску лорду Генри, к которому уже успел привязаться.

Он так отличался от Бэзила! Вместе они являли

восхитительный контраст. А какой дивный у него голос!.. Через некоторое время юноша спросил:

— Неужели вы действительно дурно влияете на людей? Все настолько плохо, как утверждает Бэзил?

— Влияние бывает только дурным, мистер Грей. С научной точки зрения любое влияние аморально.

— Почему же?

— Потому что влиять на человека — значит отдавать ему свою душу. Он утрачивает собственные мысли и не пылает собственными страстями. Ни его добродетели, ни грехи — если таковые вообще существуют — ему не принадлежат. Он становится эхом чужой музыки, актером, играющим роль, написанную для другого. Цель жизни — самосовершенствование. Осознать собственную сущность — вот для чего мы здесь! В наши дни люди боятся самих себя. Они забыли главное из всех обязательств — обязательство перед собой. Разумеется, им свойственно сострадание. Они накормят голодного, оденут нищего. Однако их собственные души голодны и наги. Наше поколение утратило силу духа. Возможно, у нас ее и не было. Боязнь мнения общества, основанного на морали, боязнь Бога, в которой и заключается секрет нашей религии, — вот что нами движет. И все же...

— Поверни голову чуть вправо, Дориан, будь хо- рошим мальчиком, — проговорил художник.

Он был настолько глубоко погружен в работу, что ничего не слышал и заметил лишь новое выражение на лице юноши, какого прежде не видел.

— И все же, — продолжил лорд Генри низким мелодичным голосом, сопровождая свои слова изящными жестами, свойственными ему еще со времен Итона, — я верю, что если человек захочет прожить свою жизнь целиком и полностью, придать форму каждому своему чувству, выразить каждую мысль, воплотить каждую мечту, — я верю, что мир обретет импульс радости столь бодрящий, что мы позабудем все недуги Средневековья и вернемся к эллинскому идеалу или к чему-то еще более яркому и прекрасному! Однако даже самый дерзостный из нас боится самого себя. Победа над варварством привела к при- скорбному самоотречению. Мы наказаны за непри- ятие самих себя. Каждый порыв, что мы пытаемся погасить, гнездится в нашем уме и отравляет нам жизнь. Тело согрешит единожды и на этом закончит, ибо действие ведет к очищению. Останется лишь воспоминание о наслаждении либо же роскошь со- жаления. Единственный способ избавиться от иску- шения — ему поддаться. Вздумаешь противиться — душа захиреет, взалкав запретного, истомится от желаний, которые чудовищный закон, тобою же соз- данный, признал порочными и противозаконными.

Говорят, величайшие события мирового масштаба происходят в голове. Там же совершаются и величайшие грехи мира. Вас, мистер Грей, именно вас с вашей ало-розовой юностью и бело-розовым отрочеством, обуревают страсти, которых вы боитесь, мысли, которые вас ужасают, мечты и сны, даже воспоминания о которых заставляют ваши щеки пылать от стыда...

— Прекратите! — дрогнул Дориан Грей. — Прекратите! Вы совсем сбили меня с толку. Не знаю, что и сказать. Ответ наверняка есть, только мне его не найти. Помолчите! Позвольте мне подумать. Или скорее позвольте мне не думать!

Почти десять минут он стоял неподвижно с полуоткрытым ртом и горящими глазами, смутно сознавая, что в нем бродят совершенно новые для него веяния. И при этом они будто шли изнутри. Несколько слов, сказанных другом Бэзила, — слов случайных, вне всякого сомнения, и намеренно парадоксальных, — затронули тайные струны души, которых никто не касался прежде; теперь же они вибрировали и дрожали в удивительном ритме.

Так же на Дориана действовала музыка. Но музыка не бывает столь четкой в выражении мысли. Она стала для него не новым миром, а скорее еще одним хаосом. Слова! Всего лишь слова! Как они ужасны! Как

четки, яркие и жестоки! От них никуда не деться. И до чего коварна их магия! Они придают твердую форму вещам бесформенным, обладают своей собственной музыкой, похожей по мелодичности на альт или лютню. Всего лишь слова! Есть ли что-нибудь более реальное, чем слова?

Да, в его отрочестве были вещи, которых он не понимал. Зато понял их сейчас. Внезапно жизнь запылала яркими красками. Ему казалось, что он идет через огонь. Почему он не знал этого раньше?

Лорд Генри наблюдал за юношей с проницательной улыбкой, прекрасно зная, когда следует промолчать. Его поразил неожиданный эффект, который произвели его слова, и он вспомнил книгу, прочтенную в шестнадцать лет и открывшую ему многое прежде неведомое. Лорд Генри задался вопросом, не переживает ли сейчас Дориан Грей нечто подобное. Он всего лишь выстрелил наугад. Неужели попал в яблочко? До чего же удивительный юноша!..

Холлуорд писал свойственными ему смелыми мазками, в которых проявляется истинная изысканность и безупречная утонченность большого таланта. Наступившего молчания он не заметил.

— Бэзил, я устал стоять! — неожиданно вскричал Дориан Грей. — Мне нужно выйти и посидеть в саду. Здесь нечем дышать!

— Дорогой мой, прости! Если я пишу, то ни о чем другом не думаю. Ты никогда не позировал лучше! Ты стоял совершенно неподвижно. И я наконец уловил выражение, которое искал, — губы полуоткрыты, глаза горят... Не знаю, что говорил тебе Гарри, но он произвел на тебя самое удивительное впечатление. Думаю, засыпал тебя комплиментами. Не верь ни единому слову!

— Complimentами меня он точно не засыпал. Вероятно, именно поэтому я не верю ничему из того, что он наговорил.

— Вы прекрасно знаете, что поверили всему, — протянул лорд Генри, мечтательно глядя на юношу затуманившимися глазами. — Я выйду с вами в сад. В студии жуткая жара. Бэзил, дай нам попить чего-нибудь ледяного, желательнее с клубникой.

— Конечно, Гарри. Позвони в колокольчик, придет Паркер, и я закажу, чего вы хотите. Мне нужно поработать над фоном, присоединюсь к вам попозже. Не задерживай Дориана. Никогда я не был в лучшей форме, чем сегодня! Получится шедевр! Да что там, это уже шедевр.

Лорд Генри вышел в сад и увидел Дориана Грея, зарывшегося лицом в огромную кисть сирени и жадно глотавшего ее аромат, словно это было вино. Он положил юноше руку на плечо.

— Тут вы совершенно правы. Кроме чувств, ничто не способно излечить душу, равно как ничто, кроме души, не способно излечить чувства.

Юноша вздрогнул и отшатнулся. Он стоял с непокрытой головой, листья взъерошили своенравные кудри и перепутали золотистые пряди. В глазах мелькнул испуг, как бывает у внезапно разбуженного человека. Красиво очерченные ноздри затрепетали, алые губы задрожали от тайного волнения.

— Да, — продолжил лорд Генри, — это одна из величайших тайн жизни — душу исцелять посредством чувств, а чувства — посредством души. Вы — удивительное создание. Знаете больше, чем думаете, и в то же время меньше, чем хотели бы знать.

Дориан Грей нахмурился и посмотрел в другую сторону. Ему не мог не нравиться высокий, приятный молодой человек, стоявший с ним рядом. Романтичное, смуглое лицо и выражение истомы на нем заинтересовали юношу. В низком апатичном голосе было нечто совершенно завораживающее. Даже холодные, белые и нежные, как цветы, кисти рук несли в себе непонятное очарование. Они двигались в такт мелодичному голосу лорда Генри и словно говорили на своем языке. Вместе с тем юноша испытывал страх, которого отчасти стыдился. Почему он позволил незнакомцу открыть ему самого себя? Хотя он знал Бэ-

зила Холлуорда несколько месяцев, их дружба никак на нем не отразилась, и вдруг появляется некто, будто бы разгадавший тайну жизни. Хотя чего же здесь бояться? Ведь он не школьник и не девушка. Бояться нелепо!

— Вот и Паркер с напитками. Пойдемте посидим в тени, — предложил лорд Генри. — Впрочем, если вы останетесь на солнцепеке чуть дольше, то кожа испортится, и Бэзил не захочет писать вас снова. Вам нельзя обгорать. Зрелище будет удручающее.

— Какая разница? — воскликнул Дориан Грей, присаживаясь на скамью в конце сада.

— Для вас разница огромная, мистер Грей.

— Почему же?

— Потому что сейчас вы в поре дивной юности, а юность — единственное, что стоит сохранить.

— Я этого не ощущаю, лорд Генри.

— Да, сейчас вам не понять. Вы все прочувствуете, когда станете старым и уродливым, когда заботы избороздят ваш лоб морщинами, страсти опалят губы своими мерзостными пожарами, вот тогда вы прочувствуете в полной мере. Сейчас вы, куда бы ни пошли, очаровываете всех и вся. Будет ли так всегда? Лицо ваше красоты удивительной, мистер Грей. Не хмурьтесь. Так и есть. Красота — разновидность таланта, более того, она превышает талан-

та, поскольку не нуждается в разъяснении. Такова одна из величайших данностей этого мира, как и солнечный свет, весна или отражение в темных водах серебряной скорлупки, которую мы называем луной. Красота не подлежит сомнению. Ей присуще священное право всевластия. Она делает своих обладателей королями. Улыбаетесь? Утратив красоту, улыбаться вы перестанете... Некоторые утверждают, что красота поверхностна. Может быть, и так, однако она не настолько поверхностна, как мысль. На мой взгляд, красота — чудо из чудес. По внешности не судят лишь люди ограниченные. Истинную тайну этого мира хранит видимое, а не скрытое. Да, мистер Грей, боги одарили вас щедро. Впрочем, они быстро отбирают свои дары. У вас всего несколько лет, чтобы пожить полной жизнью. Когда пройдет юность, она уведет с собой и красоту, и вы внезапно обнаружите, что побед у вас не осталось, либо же вам придется довольствоваться теми скудными победами прошлого, которые ваша память сделает куда более горькими, чем поражение. Каждый месяц влечет вас все ближе к жестокому концу. Время вам завидует и сражается против ваших лилий и роз. Кожа ваша пожелтеет, щеки ввалятся, глаза потускнеют. Страдания ваши будут ужасны... Цените юность, пока она у вас есть. Не расточайте золото своих дней,

внимая лицемерным занудам, пытаюсь найти выход из безвыходных ситуаций или растрачивая жизнь на невежд, бездарей и чернь. Все это нездоровые стремления и ложные идеалы нашего века. Живите! Живите той удивительной жизнью, которая в вас есть! Не проходите мимо новых ощущений, ищите их сами! Не бойтесь ничего! Новый гедонизм — вот чего жаждет наш век! Вы можете стать его зримым символом. Для вас как личности нет ничего невозможного. На некоторое время мир принадлежит только вам. Встретив вас, я понял: вы совершенно не осознаете, кто вы или кем могли бы стать. Я обнаружил в вас столь много всего, меня очаровавшего, что понял: я обязан рассказать вам кое-что о вас самом. Трагично растратить себя понапрасну, ведь юность длится так недолго. Полевые цветы вянут, потом расцветают вновь. В следующем июне золотой дождь будет таким же ослепительным, как и сейчас. Через месяц на клематисе распустятся лиловые звезды, и зеленая ночь его листвы будет таить эти лиловые звезды год за годом. А юность вы не вернете никогда. Пульс радости, что бьется в нас в двадцать лет, замедлится, руки и ноги ослабеют, чувства притупятся. Мы выродимся в уродливых марионеток, терзаемых воспоминаниями о страстях, которых слишком боялись, и восхитительных соблазнах, отдаться которым нам

не хватило силы духа. Юность! Юность! В жизни нет ничего, ей подобного!

Дориан Грей пораженно слушал с широко раскрытыми глазами. Кисть сирени выпала из его рук. Пушистая пчела прилетела и покружилась вокруг нее, потом принялась ползать по овальному шару крошечных звездчатых соцветий. Юноша наблюдал за пчелкой с тем необъяснимым интересом к пустякам, что мы проявляем в моменты страха перед событиями исключительной важности, или под влиянием нового чувства, которое не можем выразить, или же долгое время осаждавшей наш разум тягостной мысли, которой нам не хватает силы духа поддаться. Вскоре пчела улетела и залезла в трубочку пурпурного вьюнка. Цветок вздрогнул и закачался взад-вперед.

Внезапно в дверях студии возник художник и отрывисто замахал, приглашая их внутрь. Они посмотрели друг на друга и улыбнулись.

— Я жду! — вскричал Бэзил. — Входите же! Свет теперь превосходный, а напитки можете захватить с собой.

Они поднялись и не спеша пошли по дорожке. Мимо порхнули две бело-зеленые бабочки, на груше в углу сада запел дрозд.

— Вы рады, что встретились со мной, мистер Грей, — заметил лорд Генри, глядя на юношу.

— Да, теперь я рад! Интересно, будет ли так всегда?
 — Всегда! Ужасное слово. Услышав слово «всегда», я содрогаюсь. Его чересчур любят женщины, способные испортить любой роман. Это слово лишено всякого смысла. Единственная разница между прихотью и любовью всей жизни заключается в том, что прихоть живет чуть дольше.

Войдя в студию, Дориан Грей положил руку на плечо лорда Генри.

— В таком случае пусть наша дружба будет прихотью, — пробормотал он, смущаясь своей прямооты, взошел на платформу и принял прежнюю позу.

Лорд Генри расположился в широком плетеном кресле и принялся наблюдать за юношей. Мазки и удары кисти по холсту были единственными звуками, нарушавшими тишину, да еще Холлуорд время от времени отходил назад, чтобы посмотреть на свою работу издали. В лившихся в открытые двери косых лучах солнца танцевали золотистые пылинки. Студию окутывал густой аромат роз.

Через четверть часа Холлуорд закончил писать, долгое время смотрел на Дориана Грея, потом на картину, покусывая кончик большой кисти и хмуря лоб.

— Вот теперь готово! — наконец вскричал он, нагнулся и надписал свое имя длинными алыми буквами в левом углу картины.

Лорд Генри подошел к холсту и принялся его рассматривать. Несомненно, это был удивительный шедевр, и сходство с оригиналом тоже было удивительное.

— Дорогой мой, поздравляю от всей души! Это лучший портрет нашего времени. Мистер Грей, идите и посмотрите на себя.

Юноша вздрогнул, словно пробуждаясь от сна.

— Неужели готово? — пробормотал он, спускаясь с подиума.

— Вполне, — ответил художник. — Сегодня ты позировал просто замечательно. Я тебе ужасно благодарен!

— Благодарить следует меня, — вмешался лорд Генри. — Не так ли, мистер Грей?

Дориан не ответил, безучастно прошел к картине и повернулся к ней лицом. Увидев портрет, он отпрянул, щеки его зарделись от удовольствия. Глаза радостно заблестели, словно он впервые узнал себя на картине. Он стоял неподвижно и дивился, едва замечая слова Холлуорда. Осознание собственной красоты, никогда не ощущавшейся прежде, снизошло на него как откровение. Compliments Бэзила Холлуорда казались ему очаровательными преувеличениями из дружеских чувств. Он их слушал, смеялся над ними и тут же забывал.

Они никак не влияли на его душу. Потом появился лорд Генри Уоттон со своим странным панегириком юности и грозным предупреждением о ее скоротечности. Вот тогда юношу проняло, и теперь, когда он смотрел на тень своей красоты, на него обрушилась вся полнота жестокой реальности. Да, наступит день, когда лицо его пожелтеет и покроется морщинами, глаза утратят блеск и потускнеют, изящество фигуры исказится. С губ пропадет алый цвет, золото волос погаснет. Жизнь, формируя его душу, изуродует тело. Он станет отвратителен, безобразен и неуклюж.

При мысли об этом Дориана пронзила острая, как нож, боль, заставившая содрогнуться все нежные струны его души. Глаза потемнели до цвета аметиста, их заволокла пелена слез. Ему показалось, будто сердце сжала ледяная рука.

— Разве тебе не нравится? — наконец не выдержал Холлуорд, немного уязвленный молчанием юноши и не понимающий его причины.

— Разумеется, ему нравится, — сказал лорд Генри. — Да и кому не понравилось бы? Это один из величайших шедевров современной живописи. Готов отдать за него все, чего ни попросишь. Я хочу эту картину!

— Гарри, она не моя собственность.

— Тогда чья же?

— Разумеется, Дориана, — ответил художник.

— Повезло ему.

— До чего грустно! — пробормотал Дориан Грей, не отрывая взгляда от своего портрета. — До чего грустно! Я состарюсь, сделаюсь уродливым и страшным. А картина навсегда останется юной. Она никогда не будет старше именно этого июньского дня... Вот бы могло быть иначе! Вот бы я всегда оставался юным, а картина старилась! За это, за это я отдал бы все что угодно! Да, во всем мире нет ничего, что бы я пожалел. Я готов и душу свою отдать!

— Вряд ли Бэзил пошел бы на подобное соглашение, — со смехом воскликнул лорд Генри. — Незавидная судьба для картины.

— Гарри, я был бы резко против! — заявил Холлуорд.

Дориан Грей обернулся и посмотрел на него:

— Еще бы, Бэзил. Искусство тебе куда важнее друзей. Для тебя я значу не больше, чем позеленевшая бронзовая статуя. Пожалуй, ничуть не больше.

Художник уставился на него в недоумении. Подобные речи были так непохожи на обычную манеру Дориана. Что же случилось? Судя по всему, юноша очень разозлился. Лицо горело, щеки покраснелись.

— Да, — продолжил Дориан Грей, — для тебя я значу меньше, чем твой Гермес из слоновой кости или серебряный фавн! Их ты будешь любить всегда. А сколько тебе буду дорог я? Думаю, пока у меня не появятся первые морщины. Теперь я знаю: едва человек утратит красоту, он потеряет все! Этому меня научила твоя картина. Лорд Генри Уоттон совершенно прав. Юность — единственное, что стоит сохранить. Когда я обнаружу, что начал стареть, я себя убью!

Холлуорд побледнел и схватил его за руку.

— Дориан! Дориан! — вскричал он. — Не говори так! У меня никогда не было лучшего друга, чем ты, и никогда не будет! Неужели ты завидуешь предметам неодушевленным?! Ведь ты гораздо прекраснее любого из них!

— Я завидую всему, чья красота не умрет! Я завидую портрету, который ты с меня написал! Почему он сохранит то, что я утрачу? Каждый миг крадет у меня и отдает ему. О, вот бы только могло быть наоборот! Пусть бы менялся портрет, а я всегда оставался таким, как сейчас! Зачем ты его написал? Однажды он начнет надо мной глумиться — глумиться по-страшному!

В глазах юноши вспыхнули жгучие слезы, он вырвал руку, бросился на тахту и зарылся лицом в подушки.

— Смотри, что ты наделал, — с горечью произнес художник.

Лорд Генри пожал плечами:

— Вот тебе настоящий Дориан Грей.

— Вовсе он не такой!

— Если он не такой, то при чем тут я?

— Тебе следовало уйти, когда я попросил.

— Я остался лишь потому, что ты попросил, — был ответ лорда Генри.

— Гарри, я не могу ссориться с двумя друзьями сразу, но раз уж вы оба заставили меня возненавидеть мою лучшую работу, то я ее уничтожу. Ведь это всего лишь холст и краски! Я не позволю им вторгнуться в нашу жизнь и ее исковеркать!

Дориан Грей поднял золотоволосую голову с подушки — лицо бледное, глаза заплаканные — и с ужасом смотрел, как Бэзил идет к деревянному рабочему столу возле высокого окна. Что ему нужно? Художник порылся среди тюбиков с красками и сухих кистей, словно что-то искал. Да, он искал длинный шпатель с тонким упругим лезвием. Шпатель нашелся быстро. Бэзил решил изрезать холст.

Сдерживая рыдания, юноша вскочил с тахты, бросился к Холлуорду, вырвал нож из его руки и забросил в дальний конец студии.

— Не надо, Бэзил, не надо! — вскричал он. — Это все равно что убийство!

— Я рад, что ты наконец оценил мои труды, Дориан, — холодно заметил художник, справившись с удивлением. — Думал, не сподобишься.

— Оценил? Бэзил, я влюблен в твою картину! Мне кажется, что это часть меня.

— Что ж, как только ты высохнешь, тебя покроют лаком, вставят в раму и отправят домой. Тогда можешь делать с собой все, что тебе угодно. — Художник прошел через комнату и позвонил в колокольчик. — Дориан, ведь ты выпьешь чаю? И ты, Гарри? Или же ты не любитель столь простых удовольствий?

— Обожаю простые удовольствия, — заявил лорд Генри. — Они — последнее прибежище натур сложных. Подобных сцен я терпеть не могу, разве что в театре. Что за нелепые люди вы оба! Ума не приложу, как можно утверждать, что человек — существо рациональное. Пожалуй, это самое непродуманное определение из всех существующих. Человек обладает разными качествами, но только не рациональностью. Как бы там ни было, я этому рад, хотя лучше бы вы, друзья, не вздорили из-за картины. Будет гораздо разумнее, Бэзил, если ты отдашь ее мне. Глупому мальчишке она вряд ли нужна, а вот я был бы рад получить этот портрет.

— Если ты не отдашь его мне, Бэзил, я не прощу тебя никогда! — вскричал Дориан. — И я никому не позволю называть меня глупым мальчишкой!

— Ты знаешь, что портрет твой, Дориан. Я подарил его тебе еще до того, как написал.

— Вы должны понимать, что вели себя глупо, мистер Грей, и вряд ли вам следует возражать против напоминания, что вы чрезвычайно юны.

— Еще сегодня утром я возразил бы непременно, лорд Генри.

— Ха! Сегодня утром! С тех пор вы многое пережили.

В дверь постучали. Вошел дворецкий с чайным подносом и поставил его на японский столик. Раздался звон чашек и блюдец, мелодичное шипение георгианского чайника. Мальчик-слуга внес фарфоровую сахарницу и молочник. Дориан Грей налил всем чаю. Двое молодых людей неспешно приблизились к столу и заглянули под крышки блюд.

— Поедемте сегодня в театр, — предложил лорд Генри. — Наверняка где-нибудь что-нибудь идет. Я обещал отобедать у Уайта с одним приятелем, но могу послать ему телеграмму, что за-

болел или мне помешала прийти более поздняя договоренность. Пожалуй, это будет неплохим оправданием в силу своей неожиданной откровенности.

— Какая скука наряжаться в вечерний костюм! — пробормотал Холлуорд. — Стоит его только надеть, как жизнь делается невыносимой!

— Да, — задумчиво протянул лорд Генри, — наряды девятнадцатого века отвратительны. Такие мрачные, такие унылые. В современной жизни порок — единственный яркий элемент.

— Гарри, вовсе не стоит говорить такие вещи в присутствии Дориана.

— Какого именно Дориана? Того, что наливает нам чай, или того, что на картине?

— Я про обоих.

— Лорд Генри, я бы очень хотел поехать с вами в театр! — сказал юноша.

— Так едемте. Ты ведь с нами, Бэзил?

— Увы, не могу. Много работы.

— Что ж, тогда отправимся вдвоем, мистер Грей.

— С большим удовольствием!

Художник закусил губу и с чашкой в руке отправился к картине.

— Я останусь с настоящим Дорианом, — грустно проговорил он.

— Неужели это настоящий Дориан? — вскричал оригинал, подходя к портрету. — Неужели я действительно таков?

— Да, ты именно таков.

— До чего замечательно, Бэзил!

— По крайней мере, внешне. Он ведь никогда не изменится, — вздохнул Бэзил. — И это прекрасно.

— До чего много значения люди придают измене! — воскликнул лорд Генри. — А ведь даже в любви это лишь вопрос физиологии. И наши желания тут ни при чем. Юноши хотели бы не изменять, но не могут, старцы хотели бы изменять, но тоже не могут. Что еще тут скажешь!

— Не ездь сегодня в театр, Дориан, — попросил Холлуорд. — Останься и поужинай со мной.

— Не могу, Бэзил.

— Почему же?

— Потому что я пообещал лорду Генри Уоттону поехать с ним.

— Он не станет любить тебя больше, если будешь выполнять обещания. Он-то своих не выполняет. Прощу тебя, не ездь!

Дориан Грей рассмеялся и покачал головой.

— Умоляю, останься!

Юноша заколебался и посмотрел на лорда Генри, который наблюдал за ними, сидя возле чайного столика с улыбкой на губах.

— Бэзил, я должен ехать.

— Ну ладно, — проговорил Холлуорд и поставил чашку на поднос. — Уже довольно поздно, так что не теряйте времени, ведь тебе еще нужно переодеться. Прощай, Гарри. Прощай, Дориан. Приходи меня по-видать. Приходи завтра.

— Конечно.

— Не забудешь?

— Нет, конечно же нет! — вскричал Дориан.

— И... Гарри!

— Да, Бэзил?

— Помни, о чем я попросил тебя утром в саду!

— Уже забыл.

— Я тебе доверяю.

— Хотел бы я доверять сам себе! — со смехом откликнулся лорд Генри. — Пойдемте, мистер Грей, мой экипаж ждет снаружи. Прощай, Бэзил! День сегодня выдался крайне занимательный.

Когда дверь за ними закрылась, художник бросился на тахту, и лицо его исказилось от боли.

